

Дмитрий Аверкиев

По поводу самопризнаний двух петербуржцев

Дмитрий Васильевич Аверкиев

По поводу самопризнаний двух петербуржцев

«Петербургца всегда изображают сухимъ и порой даже мрачнымъ эгоистомъ; выражается онъ безжизненнымъ, официально-газетнымъ слогомъ; имѣетъ даже отвращеніе нѣкоторое къ кореннымъ русскимъ словамъ. Все это, правда, пожалуй, – но есть предметъ, о которомъ петербуржець любитъ особенно поговорить и поговорить съ жаромъ; когда онъ становится такъ-же уморительно краснорѣчивъ, какъ петербургскій публицистъ, разсуждающій о политикѣ г. Бисмарка, или о смерти г. Мокара...»

Произведение дается в дореформенном алфавите.

Содержание

I.....	.0005
II.....	.0015
III.....	.0037

**Дмитрий Васильевич
Аверкиев**

**По поводу самопризнаний
двухъ Петербуржцевъ**

Петербургца всегда изображаютъ сухимъ и порой даже мрачнымъ эгоистомъ; выражается онъ безжизненнымъ, официально-газетнымъ слогомъ; имѣетъ даже отвращеніе нѣкоторое къ кореннымъ русскимъ словамъ. Все это, правда, пожалуй, – но есть предметъ, о которомъ петербуржець любитъ особенно поговорить и поговорить съ жаромъ; когда онъ становится такъ-же уморительно краснорѣчивъ, какъ петербургскій публицистъ, разсуждающій о политикѣ г. Бисмарка, или о смерти г. Мокара.

Этотъ предметъ, эта любимая и неистощимая тема – умственное, нравственное и всякое другое превосходство города Санктпетербурга не только надъ прочими городами обширной россійской имперіи вообще и надъ невѣжественной Москвой въ особенности, но чуть-ли даже не надъ всѣми городами Европы.

Петербургецъ считаетъ себя, первое, за челоѵка образованнаго, который разнымъ наукамъ у нѣмца обучался, – а всю Россію за

дикую и невѣжественную страну. Прислушайтесь, и откроются вещи прелюбопытныя. Напримѣръ, что́ знаетъ петербуржець о народѣ, какіе рассказы ходятъ въ петербургскихъ кружкахъ про мужиковъ, какъ въ нихъ представляется крестьянскій говоръ?

По-русски петербуржець вообще разумѣетъ довольно плохо; быта русскаго совсѣмъ не знаетъ; сближается съ народомъ только трясясь на дрожкахъ, или катя въ санкахъ, когда онъ съ извозчикомъ любезно разговариваетъ. Освѣдомится какой губерніи, и положимъ, что извозчикъ изъ Опскова, – вотъ ужъ нашъ цивилизованный мудрецъ и улыбается: какъ, дескать, смѣшно эти *мужички* говорятъ. Въ былое время спрашивали еще: помѣщичій-ли, или государственный? «Мы господскіе», отвѣтитъ извозчикъ. И чудно это покажется петербуржцу: «господскіе», а не помѣщичьи. Во глубинѣ души странно ему слышать такія слова; онъ даже увѣренъ, что извозчикъ слово «господскій» употребилъ единственно по невѣжеству.

Это любезное заигрываніе съ народомъ весьма любопытно. Теперь, уже многіе цивили-

лизованные петербуржцы, разговаривая съ мужиками, на *вы* больше говорятъ. *Вы* – это символъ вѣжливости, шагъ по пути прогресса, признаніе личности простаго человѣка. Вѣдь право-же такъ думаютъ истые петербуржцы. Вспомните какіе споры шли о томъ, какъ въ воскресныхъ школахъ мальчикамъ говорить: *ты* или *вы*, и какія горячія обличенія сыпались на голову тѣхъ, кто предлагалъ *ты* говорить. Почему-то это ужасомъ казалось; а почему – въ толкъ взять трудно. «Пусть вамъ мальчикъ *ты* говоритъ», учили цивилизаторы, «а вы все-таки ему *вы* говорите». Ну, и говорили.

Но еще лучше поддѣльваніе подъ народный говоръ. По мнѣнію петербуржца, крестьянинъ не можетъ двухъ словъ связать безъ различныхъ уснащиваній и украшеній рѣчи, въ родѣ словъ «значить, теперича, того» и т. п. Анекдоты, которыми увеселяютъ петербуржскіе знатоки народнаго быта честныя компаніи, конечно, касаются невѣжества и грубости мужиковъ. Основа: незнаніе чего-нибудь весьма простаго и незнаніе чисто внѣшнее. То мужики идутъ смотрѣть какъ пу-

зыри спущаютъ, то про телегринъ, или пароходъ разсуждаютъ; то препираются о разницѣ между бонмой и ядромъ. Конечно, они показываютъ при этомъ яркое невѣжество и говорятъ чудныя слова. «Теперича, значить, мы братцы, это, значить, идемъ и теперича, значить, это идемъ», — такова народная рѣчь этихъ анекдотовъ.

И чѣмъ больше «теперича» будетъ въ разсказѣ, тѣмъ бѣльшее удовольствіе доставить онъ слушателямъ. А разскащикъ считаетъ себя глубокимъ знатокомъ народнаго быта. Помню, разъ потѣшалъ публику подобный знатокъ. Ъхали мы въ коляскѣ за-городъ. Публика грохотала. Разскащикъ былъ на верху блаженства; извощикъ прислушивался. — «Ну что?» обратился онъ къ извощику: «хорошо?» Лицо разскащика сіяло самодовольной улыбкой: онъ видимо ожидалъ утвердительнаго отвѣта. — «Это что-же вы представляли: какъ баре надъ мужиками смѣются?» спросилъ его извощикъ, видимо оскорбленный всей этой дурацкой потѣхой. Но разскащикъ, по грубости душевной, не понялъ какъ звучалъ отвѣтъ простого человѣка и вѣроятно къ сво-

имъ забавнымъ разсказамъ прибавиль и отвѣтъ извощика, уснастивъ его достодож-нымъ количествомъ «значить» и «теперича».

Другой, живя на дачѣ, тоже задумалъ сближаться съ народомъ и совсѣмъ было сблизил-ся съ булочникомъ, какъ вдругъ тотъ его мѣсяца черезъ два «мусьёй» обозвалъ.

Это внѣшнее отношеніе, это заучиваніе чудныхъ рѣченій нерѣдкость даже въ нашей литературѣ. Былъ-же возведенъ одинъ молодой описыватель крестьянскаго быта въ геніи за то, что русскаго мужика дуракомъ изобразилъ, потому-де – грубъ и невѣжественъ русскій народъ. Это пожалованіе въ геніи было совершено, само собою разумѣется, «Современникомъ», ибо сей журналъ любитъ возводитъ своихъ молодыхъ сотрудниковъ въ геніи. Впослѣдствіи сей юный геній былъ развѣнчанъ тѣмъ-же «Современникомъ», гдѣ на его сочиненія злая пародія помѣщена была даже. Еще позже опять въ «Современникѣ»-же признанъ былъ за симъ-же писателемъ талантъ, но его упрекнули за обычай въ каррикатуру изображать русскій народъ. Но по вѣчной ироніи жизни, въ томъ-же номерѣ

«Современника» была помещена повѣсть «Подлиновцы», замѣчательная отношеніемъ автора къ изображаемому имъ бурлацкому быту.

Ясно, что авторъ, г. Рѣшетниковъ, господинъ цивилизованный и гуманный. Онъ даже индѣ заступается за бурлаковъ, оправдываетъ ихъ; описаніе прерывается сантиментальными восклицаніями иногда ни къ селу, ни къ городу. Ъсть бурлакъ, – авторъ восклицаетъ: «ахъ, ты жизнь горемычная!» Барка плыветъ: опять то-же восклицаніе. Разжалобить читателя хочетъ. А невѣжество какое! Деревенскіе мальчики – деревня отъ Камы недалече – не знаютъ, что значить плавать, не вѣрятъ, что можно выучиться плавать. Мало того, удивляются, что камни въ водѣ тонуть – должно воды никогда не видали. Думаютъ, что если повернуть дыру въ баркѣ, то вода изъ нея вонъ выбѣжитъ. Бурлаки не знаютъ какой они губерніи. А описанія: поѣли, поспали, пѣсню запѣли, выпили, луку купили. Потомъ на слѣдующей страницѣ опять спали и ѣли, и сушеной рыбы купили. Черезъ страницу, въ городѣ мужикъ карету увидалъ: удивился за

чѣмъ она? Не мѣшало-бы автору придумать какое-нибудь остроумное предположеніе: дескать она ему печкой показалась, или что-нибудь въ этомъ родѣ. Разговоры больше изъ односложныхъ словъ состоятъ. Стоитъ выписать двѣ-три сцены.

«Нила купилъ пекарскую булку. Разломивъ ее на четыре части, они съѣли чуть не разомъ.

– Што? говоритъ Нила.

– Давай ишишо, проситъ Сысойко.

Они купили еще и съѣли, и все-таки не наѣлись.

Пошли всѣ въ питейную лавочку, взяли у ребятъ послѣднія деньги и пропили.

– А ись хочется, говоритъ Нила.

– Бѣда!

– А больно баско тамо! Все-бы ѣлъ да ѣлъ.

– Денегъ нѣтъ. Лоцманъ не далъ».

(«Современникъ». 1864 г., кн. V, стр. 83).

Какое глубокое знаніе быта! Какой языкъ! И интересно какъ: бурлакамъ ѣсть хотѣлось, – двѣ булки съѣли, одну чуть не разомъ въ четверомъ, и еще ѣсть хотѣли! Глубоко замѣчено, и главное – естественно. Вотъ

еще описаніе, тоже какъ Ёли бурлаки. Ужъ очень любопытно и наблюдательно разсказано:

«Соленые и сушоные судаки бурлаки разрубали на нѣсколько частей и большею частью глотали неразмоченные, прикусывая хлѣбомъ и свѣжимъ лукомъ».

(Idem, стр. 80).

Это описаніе образцовое и его слѣдовало бы въ народную хрестоматію помѣстить. Мы бы могли еще сдѣлать нѣсколько выписокъ, но все это одна и та-же канитель и столь-же поучительно.

И вотъ послѣ подобныхъ описаній, господинъ авторъ, или лучше – авторъ-господинъ находитъ приличнымъ сантиментальныя восклицанія дѣлать. Ну, скажите на милость, описываль-ли кто такъ готентотовъ даже? Не только готентотовъ, обезьянъ? И это русскій писатель изъ народнаго быта! И это молодой писатель, представитель такъ называемаго *реальнаго* направленія, воображающій, что онъ любитъ народъ! Но развѣ любовь заключается въ слюнявой сантиментальности? или

уваженіе къ личности въ томъ, чтобы описы-
вать народъ какъ дикарей, какъ чудовищъ
какихъ-то, *глотающихъ* сушоную рыбу? Или
знаніе языка въ томъ, что-бы писать «ишшо,
бать, ись» и т. п.? Или знаніе быта въ разска-
захъ о томъ, что вѣтеръ бороды развѣваетъ, а
когда дождь идетъ, то промокнуть можно?
А самое глубокое пониманіе этого быта въ
исчисленіи, сколько разъ, плывя по Чусовой,
бурлаки лукъ покупали?

Нѣтъ, съ такими приемами трудно изучить
что-бы то ни было. Нѣтъ, не любовь это, а
нѣчто весьма незавиднаго свойства. Съ такой
любовью далеко не уѣдешь. Записываніемъ
чудныхъ выраженій языка не изучишь.
Замѣчаніемъ, что безконечная грусть слы-
шится въ русской пѣснѣ, только пустословіе
свое докажешь. Да и пѣсню-то всего, видно,
одну г. авторъ знаетъ, то бишь, записалъ.
«Внизъ по матушкѣ по Волгѣ». Потому, знай
онъ пѣсни, зналъ-бы онъ народный языкъ, не
соевалъ-бы черезъ пять строкъ слова «баско».
Зналъ-бы народныя сочувствія и быть-бы его
зналъ, его глубокія созерцанія, его возвышен-
ные идеалы, его горе и радость. А то знаніе-то

все заключается въ томъ, что Ёсть мужику хочется. Дивное открытіе!

Пора-бы оставить упражненія на заданныя темы о глупости и невѣжествѣ мужика, пора перестать ныть, а говорить дѣло начать, яснымъ и бойкимъ языкомъ, какимъ народъ говоритъ; надо рисовать ясные образы, съ тѣмъ широкимъ и глубокимъ захватомъ, съ какими народъ создаетъ свои пѣсни и былины.

Пора перестать писать для увеселенія почтеннѣйшей публики. Еще г. Радищеву, путешествовавшему въ концѣ прошлаго столѣтія изъ Москвы въ Петербургъ, было позволительно сантиментально плакать о бѣдности русскаго народа, — но нынче такая сантиментальность смѣшна. Вѣдь только жидкіе и слюнявые либералы могли пожаловать жиденъкаго Радищева въ геніальные писатели. Какъ-бы ни была печальна судьба этого послѣдователя Жанъ-Жака, тѣмъ не менѣе книга его преимущественно состоитъ изъ сантиментальнаго нытья и водянистыхъ общихъ разсужденій, обличающихъ совершенное незнаніе русской жизни.

Мы наглядно хотѣли показать на сколько значительная часть нашихъ передовыхъ писателей знаетъ народъ и какъ изображаетъ его. Конечно, г. Рѣшетниковъ не изъ лучшихъ изображателей народного быта, но появленіе его разсказа въ считающемъ себя передовымъ органъ нашей словесности весьма знаменательно, тѣмъ болѣе, что въ томъ-же номерѣ трактуется о значеніи Петербурга для Россіи, о его миссіи и о томъ, что такое Россія и что такое Петербургъ.

«Внутреннее обозрѣніе», распространившееся на эту тему, написано, правда, талантливѣе «Подлиновцевъ», но при внимательномъ изученіи легко между сими двумя произведеніями замѣтитъ сильную параллель.

Авторъ пишетъ противъ «Дня», именно противъ той статьи, гдѣ доказывалось, что «если школа съ жизнью, т. е. съ основами предшествовавшаго школь и послѣдующаго за школою воспитанія — въ *разладѣ*, то отъ такого школьнаго ученія едва-ли можно ожи-

дать пользы; если уровень ученія слишкомъ высокъ сравнительно съ общею цивилизаціею края, то если подобное ученіе не всегда бываетъ безусловно вредно, то за то не бываетъ и плодотворно».

«Современникъ», съ свойственной ему легкостью и игривостью мысли, весьма легко порѣшаетъ дѣло. Конечно, разсуждаетъ онъ, наука будетъ всегда въ разладѣ съ жизнью, потому что она разрушаетъ предрасудки и суевѣрія. Слѣдуетъ нѣсколько истасканныхъ примѣровъ въ родѣ того, что наука разрушаетъ предрасудокъ о трехъ китахъ, на которыхъ будто-бы стоитъ земля, и слѣдовательно тѣмъ самымъ производитъ «несогласіе просвѣтительныхъ началъ, принятыхъ въ школѣ, съ началами дѣйствующими въ быту семейномъ и общественномъ». Такое внѣшнее и мелочное пониманіе по истинѣ замѣчательно.

Это, однимъ словомъ, признаніе, что начала бытовья и семейныя состоятъ изъ предрасудковъ въ родѣ того, что земля на трехъ китахъ стоитъ. И отсюда конечно выводъ, что надо начать думать *по иностранно-*

му. Обозрѣватель до того глубоко проникнулъ мысль «Дня», что приходитъ къ заключенію, что если-бы «предки наши в X столѣтіи разсуждали также мудро, то мы-бы и доселѣ не пользовались благодѣяніями христіанства». И затѣмъ продолжаетъ: «Къ счастію, предки наши были проще насъ и заднихъ мыслей не имѣли. Они признали, что христіанская религія выше ихъ языческой, потому и постарались распространить ее въ цѣломъ народѣ, *не заботясь о послѣдствіяхъ*».

Что-жъ изъ этого? Изъ этого выводится, что и мы должны распространять образованность, также не заботясь о послѣдствіяхъ, ибо-де ученье лучше невѣжества. Мысли весьма избитыя и нельзя сказать, что-бы особенно глубокія. А главное нисколько не рѣшаютъ вопроса, предложеннаго «Днемъ». Дѣло вѣдь идетъ о просвѣтительныхъ началахъ, коренныхъ основахъ. Это слишкомъ ясно. «День» напр. говоритъ:

«Наше воспитаніе не укрѣпляетъ, а ослабляетъ, и такъ рознить людей съ ихъ прежнимъ бытомъ, что дѣти крестьянъ и да-

же купцовъ дѣлаются почти не пригодными къ дѣятельности въ средѣ, къ которой принадлежатъ по рожденію: *міръ* – народъ имъ чуждъ; они уже не *его*. Крестьянинъ, учившійся въ нашихъ среднихъ и высшихъ заведеніяхъ, перестаетъ быть крестьяниномъ: онъ является въ глазахъ своихъ односельчанъ и вообще простаго народа – *бариномъ*, *чиновникомъ* (и дѣйствительно онъ вѣдь получаетъ чинъ), *господиномъ*, *не-нашимъ*, такимъ, однимъ словомъ, которому позволительно и не соблюдать *Русскаго* обычая, котораго они считаютъ принадлежащимъ болѣе къ сферѣ официальной....»

Подобное-же говорится о купеческихъ дѣтяхъ. И что-же отвѣчаетъ на это внутренній обозрѣватель «Современника?» – Что явленія эти подмѣчены вѣрно, но разъяснены ложно.

«Явленія эти происходятъ не отъ излишества образованія, а отъ недостатка образованія (неужели? кто же думалъ противное?). Истинно образованный человекъ не постыдится быть

ни мужикомъ, ни купцомъ, если найдеть занятія по этимъ профессіямъ для себя выгодными.»

Если найдеть занятія по этимъ профессіямъ для себя выгодными! Вотъ истинно современное мнѣніе, обличающее самую суть мнѣній «Современника». По нашему – подобныя мнѣнія – т. е. не стыдятся, потому что выгодно, – обнаруживаютъ скорѣй недостатокъ образованія, чѣмъ излишество пониманія. Тутъ можно и должно совсѣмъ по другой причинѣ не стыдиться. Сей рѣзкій приговоръ подтверждается слѣдующимъ:

«Если-же у насъ» – продолжаетъ «Внутреннее Обзорѣніе» – «нерѣдко молодые купчики стыдились продолжать отеческія занятія и перебѣгали въ военную службу, или дѣлались болванами, уличными львами, праздношатающимися и т. д., то въ этомъ виноваты не школы, на скамьяхъ которыхъ они сидѣли только въ первыхъ классахъ, а общественное мнѣніе, которое прежде жаловало одно только дворянское и благородное званіе, и совершенно презрительно относилось къ купече-

скому и крестьянскому.»

И такъ общественное мнѣніе виновато, но какого общества? Общества *образованнаго*, получившаго школьное образованіе, «избавившагося отъ предрасудковъ» и набравшагося европейской гуманности, невѣрящаго, что земля на трехъ китахъ держится, гордаго своими возвышенными познаніями. Но что же внушило ему это высокомѣріе? Именно внѣшнее его образованіе, заботящееся *единственно* объ искорененіи предрасудковъ (въ число которыхъ поступила тѣма самыхъ святыхъ вещей и мнѣній), смѣющееся надъ народнымъ говоромъ, надъ его жизнью, вѣрованіями и обычаями.

Достаточно одного этого сознанія, что *общественное мнѣніе*, т. е. мнѣніе образованнаго меньшинства *презрительно относилось* къ двумъ кореннымъ сословіямъ земли русской. Оно и не могло иначе относиться: просвѣтительное начало школы не согласовалось съ просвѣтительнымъ началомъ русской земли. Первое основывалось на разумномъ образованіи и на усвоеніи внѣшне-

европейскихъ формъ, которыя и не могли къ намъ перейти внутренно, духомъ, потому что мы не иностранцы, а сами по себѣ, – второе на ученіи христіанской любви, учащей любить ближняго какъ самого себя. Вотъ въ чемъ и заключался разладъ.

Это общество гордилось своимъ вольтеріанизмомъ, своимъ знаніемъ *правъ челоѵка* и при встрѣчѣ съ народомъ, – и то случайно, гдѣ-нибудь въ дорогѣ, – самое лучшее – что умѣло: только сантиментальничать вмѣстѣ съ г. Радицевымъ; при этомъ, разумѣется, гнушались предметомъ своей сантиментальности, какъ мокрицей, а иногда и зачастую прямехонько переходитъ отъ сантиментальничанья къ зуботычинамъ, – и это вовсе не отъ недостатка образованія, а можетъ быть прямо отъ его *излишества*, т. е. отъ самага передового направленія, какое только можетъ быть; см. самый передовой взглядъ на негровъ г. Зайцова.

И таково, конечно, было отношеніе преимущественно петербуржскаго общества. Тамъ, въ глуши, продолжались еще другія отношенія: тамъ являлись типы то старинны-

хъ земскихъ бояръ, то кромѣшныхъ опричниковъ. И бюрократія тамъ была тогда иная: подъячіе конечно были не легче для народа, чѣмъ бюрократы. Не даромъ Посошковъ находилъ, что не дурно ихъ сотни двѣ подвѣсить. Но къ подъячему легче было подойти; «душевнѣе» они были; дѣло съ ними можно было дѣлать.

Наплывъ филантропическихъ, безпредметно-гуманитарныхъ и другихъ идей однако видоизмѣнялъ и общественное мнѣніе. И что же? Лучшіе люди не знаютъ что имъ дѣлать; считаютъ себя лишними. И въ этихъ лишнихъ опять мы замѣчаемъ два типа: одинъ приближается къ типу земскаго боярина, другой къ безосновному типу цивилизованнаго общечеловѣка. Признаемся, первому мы больше сочувствуемъ. Таковъ Онѣгинъ, который все таки сдѣлалъ доброе дѣло:

*Яремъ онъ барщины старинной
Оброкомъ легкимъ замѣнилъ:
Мужикъ судьбу благословилъ.*

И такимъ образомъ онъ устроилъ одинъ изъ тѣхъ стеклянныхъ колпаковъ, подъ кото-

рымъ, по выраженію К. С. Аксакова, хранились коренныя народныя начала. Другой типъ: Лаврецкій, кончившій стремленіемъ смириться передъ *народною правдой*.

Что-же оставалось дѣлать другимъ? Или тратить свои силы и гибкость своего ума въ витаніи въ чуждой народу, полуфантастической сферѣ общества, какъ Печоринъ, или въ анализированіи своихъ мельчайшихъ чувствъ и въ сибаритничаньи этимъ анализированіемъ. Счастливые всѣхъ, по нашему, былъ Дмитрій Рудинъ; этотъ по крайности умеръ за свою любимую идею, совершенно сдѣлавшись чуждымъ своему народу. Не все-ли равно было для него гдѣ умирать за свою любимую идею: въ Китаѣ, Россіи, или въ добромъ городѣ Парижѣ? И если-бы онъ услышалъ то, что сказалъ французскій блузникъ когдахватила его пуля: «Tiens, on va tuer un Polonais,» то конечно не оскорбился-бы этимъ. Ему все равно было къ какой націи его не причислили-бы; онъ былъ не земскій человекъ, а человекъ идеи, общечеловѣкъ.

Еще позже, опять по наплыву новыхъ заморскихъ идей, стало требоваться, чтобы къ

своему народу сочувствіе питать; отшлифовать эту грубую и невѣжественную массу. И стали питать сочувствіе и шлифовать приготовились. Но каково было это сочувствіе? Какому народу оказывать его? Очевидно тому, который меньше другихъ заражонъ историческими предразсудками. Было рѣшено, что такой народъ есть народъ русскій. Такое рѣшеніе очевидно происходило вслѣдствіе незнанія русской жизни, вслѣдствіе изученія ея по иностраннымъ источникамъ.

Идеальный народъ былъ устроенъ по типу идеально образованнаго человѣка. А чѣмъ гордится петербуржски-образованный человѣкъ? Тѣмъ, что онъ совершенно не заражонъ предразсудками; тѣмъ, что онъ свободенъ до того, что ни передъ чѣмъ не остановится; готовъ похерить все. «Бей на право и на лѣво, — что уцѣлѣетъ, пусть; а остального не жалѣй». Бѣда въ томъ, что въ этомъ пріятномъ битѣ на право и на лѣво петербуржець не замѣчаетъ, что не уцѣлѣло и что останется. Онъ думаетъ, что собственно ничего не останется, и въ послѣднее время у него осталась одна вѣра — въ отвлечонный про-

грессъ. Прогрессъ этотъ теперь, какъ извѣстно, зависитъ не отъ послѣдней идеи запада, а отъ послѣдней книжки; самой бойкой и безшабашной книжки.

Но положимъ, что послѣднее – крайность. Положимъ, что лучшіе петербуржцы остановились на послѣдней западной идеѣ. Каково-же ихъ отношеніе къ народу, къ земству? А вотъ послушайте:

«Истинно образованный человѣкъ не постыдится быть ни мужикомъ, ни купцомъ, если найдетъ ЭТИ ПРОФЕССИИ ДЛЯ СЕБЯ ВЫГОДНЫМИ.»

Не слышится намъ въ этомъ заявленіи особой любви и уваженія къ земству. Какія возвышенныя выраженія: эти профессии! И что же влечетъ истинно-образованнаго человѣка къ *этимъ профессіямъ*? Выгода! Вотъ основаніе, на которомъ онъ думаетъ сблизиться съ народомъ; вотъ та сила, которая уничтожитъ разладъ.

Но пойметъ-ли коснѣющее въ предрасудкахъ земство это новое просвѣтительное начало, эту новую силу – выгоду? На врядъ-ли; оно крѣпко держится за свое

просвѣтительное начало, которое приняли «наши предки X вѣка», конечно живо, чувствомъ, всею душою и всѣмъ сердцемъ, уразумѣвъ какія великія послѣдствія принесетъ оно съ собою, какъ тѣсно оно сольется съ коренными основами народныхъ воззрѣній и какую силу придастъ оно имъ.

*Эти бѣдныя селенья,
Эта бѣдная природа!
Край родной долготерпѣнья,
Край ты русскаго народа!*

И въ самомъ дѣлѣ, что замѣтитъ въ тебѣ, «край русскаго народа», не только «гордый, иноплеменный взоръ», но даже взоръ истинно-образованнаго петербуржца?

Ровно ничего; да и замѣчать-то не хочетъ; не хочетъ и знать что другіе замѣчаютъ въ тебѣ. Потому, пойми ты это, не это вовсе требуется отъ тебя! Отъ тебя требуется отреченіе отъ всѣхъ предразсудковъ. А предразсудки во все не въ однихъ только «трехъ китахъ» заключаются, — а во всѣхъ твоихъ коренныхъ воззрѣніяхъ, во всемъ, что дорого тебѣ, что сперва вырабатывала, а потомъ сурово отставала твоя жизнь.

Ото всего этого ты долженъ отказаться и стать *иностранцомъ*, т. е. не французомъ, нѣмцемъ, или туркомъ, а просто иностранцомъ. Общеиностранцомъ, способнымъ прилагать на практикѣ велемудрыя теоріи борзописцовъ *иностранно-теоритическаго* или *теоритически-иностраннаго* (и послѣднее, кажется, вѣрнѣе) города Санктпетербурга.

«Пусть онъ, т. е. Петербургъ, изучаетъ иностранную науку (а прочимъ это вредно должно быть?), строитъ и пишетъ (не шиломъ-ли по водѣ?) теоріи и т. п., а Россія пусть ему внимаетъ (hear, hear!) и смотритъ, годятся-ли его теоріи на практикѣ, или нѣтъ; полезнымъ пользуется, а бесполезное отвергаетъ, и дѣло выйдеть хорошее. А то вѣдь безъ иностранцевъ (или петербуржцевъ: «какъ русское поставить въ параллель съ иноплеменнымъ!»), безъ теорій, водимая одной Москвой (отчего-же одной Москвой, а не своимъ разумомъ?), Россія какъ разъ попадетъ въ котошихинскій прогрессъ»
(Совр. V. В. О. 111).

Ну, развѣ не правду мы говорили? Вы ду-

мали мы шутимъ, выдумываемъ и съ умысломъ клепемъ на другихъ, на «передовыхъ застрѣльщиковъ цивилизаціи», на русскихъ парижанъ, представителей умственныхъ за городъ Святого Петра?

Жизни въ тебѣ нѣтъ, да и не будетъ никогда Русская Земля! Ты только полезное принимай, а бесполезное не принимай, и благо тебѣ будетъ. Сама-же не живи; зачѣмъ? Ты тѣсто, а мы изъ тебя лѣпимъ будемъ. Жаль, что подъ вышеприведенными строками не подписано: *Паншинъ* (изъ Дв. Гнѣзда); вѣдь это онъ сочинилъ! Конечно земля русская и съ этими непрошенными руководителями поступить также, какъ нѣкогда съ Варягами въ то отдаленное время, когда она не была не только землей Святорусской, но даже просто Русью, Новгородомъ, и т. д.?

Но это были еще цвѣтки, а ягодки впереди будутъ. Внимайте! Вонмемъ!

«Инициативы нѣтъ въ прочей Россіи (и конечно, если-бы была, то она погибла-бы?), или что то-же: на счетъ теоріи (заморской? и слава Богу!) она слабовата. Петербургъ-же хотя и не

силенъ на практикѣ (благородное сознание!), но теоріей богатъ (жаль, не своей!), на починъ боекъ (что-же его починъ на практикѣ не обнаруживается въ немъ самомъ: эхъ, видно, охота смертная, да участь горькая!), умѣетъ обо всемъ поговорить складно (да неладно), красно (да пусто), благородно (даже высоко; – ну, а Россіи, извѣстно, гдѣ этимъ заниматься. Это напоминаетъ Простакову: больна, точно благородная!). Ну, и слушаетъ его Россія (да на усъ мотаетъ?), эта богатая квашня, въ которой много всякаго добра, но нѣтъ заморской закваски, а потому нѣтъ и жизненнаго броженія. (Совр. V. В. О. 112).

Вотъ онъ теоретическій Петербургъ! Вѣдь это онъ такъ расхвастался, вѣдь это онъ произвелъ истинно образованныхъ людей, нечуждающихся двухъ вышеназванныхъ профессій, если онѣ приносятъ выгоду.

Не въ руководитель дѣло, а въ томъ, чтобъ самому нажать ума-разума. Но Россія оказывается невѣстой накопившей приданаго, но лишонной ума-разума. «Это богатая квашня, которой не достаетъ заморской закваски».

Ужь откуда только ни доставали этой закваски, изъ какихъ дальнихъ странъ ни привозили ее, а все имъ кажется мало, а все пиво не удается сварить. Прѣсна, должно быть, очень. Ну, какъ-же можно стать руководителемъ, обращаясь столь грубо съ питомцомъ, не зная его, за-очно, да и знать не желая? Вѣдь это только австрійскій кригсъ-ратъ во время оно такія штуки откалывалъ. Какъ можно дойти до такого извращенія понятій, что не желать даже органическаго, изъ внутри къ наружи, жизненнаго развитія, смѣяться надъ нимъ, плевать на него? Вѣдь эдакъ и дерева не вырастишь. Эхъ, господа, гдѣ-же ваше знаніе естественныхъ-то хоть наукъ? А еще изъ Карла Фохта выписки дѣлаете: онъ хоть и незavidный натуралистъ, да и то знаетъ какъ органическое развитіе происходитъ.

Но оставимъ въ сторонѣ эту грубость (напоминающую грубое обращеніе французскихъ мастеровъ съ русскими работниками, или рѣчи нѣмецкихъ учителей къ россійскому юношеству при Петрѣ) и посмотримъ на сколько теоретики-прогрессисты петербуржскаго «Современника» вѣрны въ сво-

ихъ теоріяхъ, и для разсмотрѣнія возьмемъ теорію русской исторіи, находящуюся въ разбираемой нами статьѣ «истинно-образованнаго петербуржца», не гнушающагося и т. д.

Мы не станемъ разбирать ее вполнѣ, а остановимся на двухъ пунктахъ: на призваніи Варяговъ и на петровскомъ преобразованіи. Рѣчь вся клонится къ тому, чтобы доказать необходимость заморской закваски.

*«Путь изъ Варягъ въ Греки былъ древнѣйшій путь, которымъ Россія связывалась съ двумя болѣе ея цивилизованными мірами – міромъ греческимъ и міромъ западно-европейскимъ. Такимъ образомъ предки наши были поставлены въ возможность заимствовать цивилизацію изъ того и изъ другаго міра. Варяги положили начало гражданственности на Руси. Греки дали ей вѣру.
(стр. 95. Тб. с.)*

И такъ, вы видите, что наши предки умѣли только заимствовать (жени имитатифъ). Любопытно, какъ это Варяги положили начало нашей *гражданственности!* Извѣстно, что

Новгородская земля въ древнѣйшихъ скандинавскихъ сагахъ называется *гардарика*, т. е. страна городовъ. Неужели не было гражданственности въ той странѣ, гдѣ издревле такъ повелось, что «на чемъ старшіе сдумаютъ, на томъ и пригороды станутъ»? а вѣдь это повелось не въ одной Новгородской землѣ, а было общимъ правиломъ всей Русской земли. И во все не гражданственности требовалось, а *наряда*, котораго не было въ землѣ, какъ сказали послы Славянъ, Води и Чуди и другихъ тремъ братьямъ – князьямъ; они хотѣли установленія внѣшней правды, по прекрасному выраженію К. С. Аксакова; *государственности*. Государству они и уступали судъ и войну, да и то не совсѣмъ, потому именно, что внѣшній нарядъ имъ требовался.

Равно не Греки дали намъ вѣру, а мы приняли ее отъ нихъ и приняли *сознательно*. Вѣдь представлялся выборъ, и князь не самъ рѣшился на это дѣло, а сдумавъ съ градскими старцами.

Истинно-образованный публицистъ дѣлаетъ впрочемъ небольшую уступку, именно – въ пользу нѣкоторой самодѣтельности

новгородскаго народа, но ужь конечно эта самодѣтельность у него является слѣдствіемъ заморской закваски.

Будто ужь другія части русской земли и не вырабатывали ничего? Укажемъ на Русь, т. е. на Приднѣпровье. Развѣ тамъ не вырабатывалась идея *земскаго князя* ([1]); развѣ тамъ не было яркаго представителя этой идеи, Владиміра Мономаха; развѣ Кіевляне не предпочитали Мономаховичей другимъ князьямъ?

Но этого не полагается. Даже, по мнѣнію почтеннаго автора, новгородское самостоятельное развитіе было подавлено «вслѣдствіе особенныхъ обстоятельствъ государства».

Будто только вслѣдствіе этого? Врядъ-ли. Причина была та, что вяціе новгородскіе люди, бояре, захватили въ свои руки государственную власть, сдѣлались представителями *внѣшней правды*. Отсюда ихъ разладъ съ младшими людьми; это *истинная* причина, почему Новгородъ не отсталялъ своей старины и земля св. Софіи ([2]).

О самодѣтельности Московскаго государства напр. также можно было-бы поговорить,

но это завлекло-бы насъ далеко.

Возьмемъ другое время, когда Россія, по мнѣнію внутренняго обозрѣвателя «Современника», снова погибла-бы безъ заморской закваски.

По его мнѣнію Москва, вслѣдствіе несовершенства своего военнаго дѣла, сдѣлалась-бы добычею иностранцовъ и Петръ понялъ необходимость «немедленнаго образованія регулярной арміи, флота, а вмѣстѣ съ тѣмъ немедленнаго тѣснѣйшаго сближенія съ иностранцами. Москва съ ужасомъ взглянула на эти замыслы Петра, и онъ долженъ былъ выбрать другое мѣсто для осуществленія своихъ плановъ».

Экая дикая эта Москва была! Отчего жъ она не испугалась при введеніи огнестрѣльнаго оружія въ послѣдній годъ княженія Дмитрія Донского? Отчего она не испугалась вызова разныхъ мастеровъ? Отчего въ смутное время ее съумѣла отстоять земля? И много можно-бы поставить такихъ отчего.

Въ томъ-то и дѣло, что, кромѣ всѣхъ вышеозначенныхъ сближеній, въ Петровское вре-

мя требовалось важнѣйшее изъ всѣхъ сближеній, насущное и вѣчно необходимое: сближеніе государства съ земствомъ, прочное начало которому положено только въ нынѣшнее царствованіе.

И тѣмъ болѣе это тогда требовалось, что оно было уже нарушено, и сильно даже.

И выходитъ, что Москва испугалась не сближеній, а разъединенія. Разложенія внутренняго она испугалась. Испугалась насмѣшекъ надъ ея святыней; испугалась требованій мыслить такъ, а не иначе; испугалась того, что отнынѣ Россія должна управляться по шведскому манеру, на томъ единственно основаніи, что до тѣхъ поръ по этому «манеру мы еще не управлялись».

А на сколько внѣшнее даже состояніе при Петрѣ улучшилось можно узнать изъ нѣкотораго застольнаго разговора князя Якова Долгорукова съ Преобразователемъ – разговора, записаннаго у Татищева.

И вотъ съ такими-то теоріями, съ такими знаніями и высококомѣріемъ хочетъ иностранно-теоретическій мудрецъ Петербурга приступить къ *сочиненію* годныхъ и негодныхъ

теорій для Россіи.

И какихъ теорій онъ ни сочиняетъ! Всѣ-то хотятъ образовать и наставить на путь истинный Россію. На что щедушная газета «Вѣсть», и она изобрѣла свою теорію, и она съ грубостью, превосходящею всякое описаніе, относится къ русскому народу. Называя себя «органомъ землевладѣльцевъ», она исключаетъ изъ числа землевладѣльцевъ крестьянъ, и вдобавокъ страшаетъ своихъ новыхъ подписчиковъ, въ объявленіи о подпискѣ на 1865 г., что ея идеи (ровно ихъ идеями называть можно) скоро восторжествуютъ въ нѣкоторыхъ высшихъ слояхъ петербургскаго общества.

Просто страхъ беретъ за Русскую землю. Но страшень сонъ, да милостивъ Богъ.

Теперь мы могли-бы перейти къ вопросу: нѣтъ-ли однако признаковъ, что петербургскій журнализмъ начинаетъ сомнѣваться въ своемъ цивилизаторскомъ значеніи? Но прежде чѣмъ займемся имъ, прослѣдимъ самымъ бѣглымъ образомъ (ибо полное изложеніе этого потребовало-бы отдѣльной большой статьи): не предъявляла-ли Россія правъ на свое самостоятельное развитіе послѣ преобразованія?

Смѣло отвѣчаемъ: да, и во всѣхъ сферахъ гдѣ только можно было.

Не останавливаясь на самостоятельныхъ отвѣтахъ русскихъ людей по случаю созванной Екатериной II комиссіи для составленія новаго уложенія, мы скажемъ нѣсколько подробнѣе о другихъ сферахъ, гдѣ это заявленіе было удобнѣе и результаты были обширнѣе и плодоноснѣе: такова сфера науки и искусства.

Какъ скоро обученіе перестало быть болѣе или менѣе принудительнымъ; какъ скоро кто самъ науку произойти захотѣлъ, — такъ и вы-

шло дѣло заправское. Первый и величайшій русскій учоный былъ Ломоносовъ. И посмотрите, какъ онъ упорно самостоятеленъ: и въ жизненныхъ отношеніяхъ, и въ своихъ научныхъ изслѣдованіяхъ. Этой рабской стойки надъ послѣдней вышедшей книжкой у него не было. Онъ стремился къ самостоятельной дѣятельности; его отъ академіи отставить было нельзя, скорѣй академію отъ него. И дѣйствительно, отъ него могла пойти самостоятельная русская наука, если-бы школьное образованіе не находилось тогда въ рабствѣ у нѣмецкихъ мастеровъ; если-бъ ему была дѣятельная поддержка со стороны образованнаго общества.

Какъ-бы жестоко ни смѣялись надъ нашими учоными, но безъ сомнѣнія у насъ есть настоящіе учоные, которые ни въ чемъ не уступятъ иностраннымъ. У насъ принято смѣшивать оффиціально-признанныхъ жрецовъ науки съ настоящими учоными. У насъ есть и самостоятельно-работающіе математики, и натуралисты, и медики. Нельзя при этомъ не вспомнить о цѣломъ рядѣ талантливыхъ *русскихъ* химиковъ, способствовавшихъ

развитію этой науки.

Само собою разумѣется, что самые самостоятельные труды должны были появиться по изученію русской исторіи и русскаго языка. И здѣсь оказаны нашими учеными незабвенныя заслуги. Они разсѣяли тотъ туманъ, сквозь который мы смотрѣли на свою прошлую жизнь; бдагодаря ихъ усиліямъ, мы перестали отвергать допетровскій періодъ, который носилъ не совсѣмъ лестное названіе періода квіетизма. Не забудемъ также объ оригинальныхъ трудахъ Хомякова и Кирѣевскаго по философіи; о многихъ статьяхъ славянофиловъ по финансамъ и политической экономіи, гдѣ вопросы разобраны съ совершенно оригинальной точки зрѣнія.

О сферѣ искусства нечего и говорить. Страна, гдѣ есть такой поэтъ какъ Пушкинъ, не нуждается въ защитѣ своего искусства. Замѣтимъ только, что сфера искусства не только приблизила насъ къ пониманію русской жизни, но во многомъ примирила насъ съ Западомъ. Западъ, — эта «страна святыхъ чудесъ», — сталъ понятенъ намъ, мы полюбили его, потому что узнали его прекрасное,

лучшее что онъ создалъ. Искусство показало намъ, какъ каждый народъ самостоятеленъ; какъ самостоятельно вырабатывалъ онъ свои идеалы; какъ лелѣетъ онъ ихъ и любитъ. Искусство нагляднѣе и практичнѣе всего можетъ указать и разъяснить идею объ органическомъ въ народной жизни. Ясно стало, что только народное, коренное имѣетъ силу; что только то, что бьетъ изъ народной груди, бьетъ мощно и освѣжительно. Что безъ народа нѣтъ спасенія, и нѣтъ ни государства, ни общества.

И вотъ отрицаютъ именно эту самостоятельность. Отрицаютъ самостоятельное развитіе даже въ чистоумственной сферѣ.

Имъ говорятъ: «что государство не апостоль, не начальникъ доктрины, но судья, воинъ, блюститель порядка и внѣшняго благочинія. Его эмблема – мечъ, его сфера – принужденіе, а не убѣжденіе; его призваніе – ограждать внутреннюю свободу развитія отъ всякихъ на нее покушеній извнѣ».

А на это отвѣчаютъ: «День» никакъ не догадывается, что государство и къ школамъ имѣетъ отношеніе въ качествѣ блюстителя

порядка».

Какого порядка? Совмѣстимо-ли это слово со словомъ школа? Какой тутъ требуется *порядокъ*? Именно тотъ, который ограждаетъ наиболѣе свободу развитія! И за тѣмъ, защищая свое положеніе, «Современникъ» всю вину сваливаетъ на учоныя *совѣты*, т. е. на чиновниковъ завѣдующихъ обученіемъ. Это ужь уморительно! И такіе люди увѣряютъ, что они «растутъ за полную свободу обученія». Полноте, пожалуйста. Вы сами-то знаете-ли за что вы растете? Мыслители!

Гдѣ-же возможна свобода безъ самостоятельности? Съ нравственными руководителями въ родѣ петербургскихъ прогрессистовъ? О, просвѣщеннѣйшій Паншинъ!

Говорятъ, что говорить о самостоятельности, когда ея нѣтъ, или когда она только урывками проявляется, — значитъ: дѣлать второй шагъ прежде перваго.

Первый шагъ — въ самосознаніи, а его-то и не достаетъ нашимъ теоретикамъ, любящимъ сочинять проекты по иностраннымъ руководствамъ.

Мнѣ часто случается встрѣчать теперь од-

ну маленькую (трехлѣтнюю) дѣвочку и играть съ ней. Между прочимъ она очень любить кормить меня разными сладостями. Спросить: «дядя, хочешь катѣть»? (конфектъ). Я отвѣчаю: хочу. Тогда она беретъ со стола пустое мѣсто и кладетъ мнѣ въ руку, воображая, что даетъ мнѣ конфектъ, и непременно требуетъ, чтобъ я ѣлъ, да еще похваливалъ. Такъ я и дѣлаю. Только что кончатся конфекты: «дядя, хочешь вѣбоковъ» (яблоковъ)? – Хочу. Тотчасъ-же она опять беретъ пустое мѣсто и опять мнѣ даетъ его и опять требуетъ, чтобъ я ѣлъ, да похваливалъ. Мнѣ кажется точно ту же роль разыгрываетъ и петербургскій литературно-журнальный прогрессъ относительно Россіи, сей богатой квашни и т. д. Петербургскій прогрессистъ тоже беретъ пустое мѣсто въ своемъ мозгу (свою досужую теорію, систему, форму) и непременно требуетъ, чтобъ мы это – *ничего* ѣли, да еще похваливали. Но на теоретической пищѣ не проживешь. Трехлѣтній умъ и даже трехлѣтняя-же невинность!

Но настало-ли для журнально-петербургскаго прогресса хотя заря сознанія, что онъ не

состоятеленъ передъ Россіей? Объ этомъ поговоримъ въ другой статьѣ, гдѣ займемся разборомъ другой петербургской статьи, выставленной въ заглавіи настоящей замѣтки. Кстати тогда скажемъ нѣсколько словъ и о томъ типѣ *истаго петербуржца*, который замѣтно нарождается и скоро начнетъ заявлять себя.

ДМ. АВЕРКІЕВЪ.

(продолженіе будетъ)

Примечания

1

Да понимаютъ-ли еще господа «Современникъ» что такое *Земскій князь*? Не съ слѣпыми-ли приходится о цвѣтахъ говорить?

[^^^]

2

Подробнѣ объ этомъ мы поговоримъ при разборѣ прекраснаго сочиненія И. Д. Бѣляева «Исторія Новгорода Великаго». Сочиненіе это отличается необыкновенно конгеніальнымъ пониманіемъ «строя новгородской жизни» и отчотливымъ разъясненіемъ и изложеніемъ его.

[^^^]